

СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ

А.В. Толстокорова

ЛЮБОВЬ ПО ТЕЛЕФОНУ: РОЛЬ МОБИЛЬНОЙ ТЕЛЕФОНИИ В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОМ МАТЕРИНСТВЕ УКРАИНСКИХ МИГРАНТОК*

Цель данной работы состоит в выявлении социо-эмоционального эффекта мобильной телефонии на повседневные практики украинских женщин-мигранток и анализе его роли в осуществлении трансграничного материнства. Показано, что роль мобильной телефонии как нового средства транснациональной коммуникации является неоднозначной, варьируя от позитивного до весьма сомнительного и даже негативного эффекта на повседневные практики матерей-мигранток и оказывая как благотворное, так и весьма неблагоприятное воздействие на их взаимоотношения с родными и близкими.

Ключевые слова: украинские женщины-мигрантки, транснациональное материнство, мобильная телефония, информационно-коммуникационные технологии.

Введение

*«Шовечора, донечко, подивись у віконечко,
там на небі зіронька першая горить.
Знай же, моя донечко, ясне моє сонечко,
Я на тую зіроньку дивлюся завжди.
Дивлюся і плачу, з нею розмовляю,
З нею розмовляю та її прошу:
«Зоря, зорянице, рідная сестриця,
Там на Україні приголуб дівча,
Приголуб за мене, бо я на чужині,
пригорни до себе, бо не можу я!»***

(Жанна, домработница в Италии, из письма дочери в Украину).

* Данная работа представляет собой продолжение и развитие идей, изложенных в отдельных разделах статей (Толстокорова 2012; Tolstokorova 2010).

** Каждый вечер, дочечка, погляди в окошечко,
там на небе звездочка первая горит.
Знай же, моя доченька, ясное мое солнышко,
На эту звездочку я гляжу всегда.
Гляжу я и плачу, с ней веду беседу,

Толстокорова Алиса Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент, научный эксперт Международной организации «Школа равных возможностей» (alictol@yahoo.com)

Это стихотворное послание трудовой мигрантки своей дочери, переданное во время интервью ее подругой, респонденткой данного проекта, — не только лирическое свидетельство материнской любви и преданности, заботы о ребенке, отделенном большим расстоянием. Оно высвечивает актуальную социальную проблему, возникшую в Украине в последнее десятилетие, а именно «транснациональное материнство». Это явление стало результатом формирования в 2000-х гг. потока *независимой* внешней миграции украинских женщин, труд которых потребовался для удовлетворения спроса на сервисные услуги, возникшего в постиндустриальных экономиках глобального севера. О том, как воспринимают данную проблему матери-мигрантки, красноречиво свидетельствует приведенное выше письмо. То, как ее воспринимают их дети, находящиеся по другую сторону границ, демонстрирует название прошедшего 13 июля 2013 г. во Львове Международного детского веломарафона «Мама, вернись!» (Украина-Италия), цель которого — привлечь внимание к проблемам, связанным с трудовой миграцией, особенно женщин-матерей, а именно: разрушение семей, неправильное воспитание и безнадзорность детей, психологические травмы оставленных дома детей и родителей (Клінова 2013).

До недавнего времени международная миграция означала для мигрантов радикальный разрыв связей со страной происхождения, т. к. их социальные связи отмирали из-за больших расстояний (Faist 2000). С появлением современных средств коммуникации ситуация кардинально изменилась, поскольку сегодня, уезжая из семьи, трансмигранты имеют возможность участвовать в ее жизни и поддерживать эмоциональные контакты с родными и близкими посредством новейших транспортных и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Этот эффект получил название «позитивной циркулярности» (Agunias, Newland 2007). Исследованию данной научной проблемы и посвящена данная работа, рассматривающая транснациональное материнство (ТМ) как явление, порожденное глобальным сетевым сообществом (Lutz 2004: 54) и основанное не столько на физическом взаимодействии, сколько на взаимоотношениях привязанности, заботы и финансовой поддержки, преодолевающих национальные границы (Hondagneu-Sotelo, Avila 1997: 550).

Действительно, в условиях глобализации наблюдается не только переформатирование морфологии международного пространства, но и расширение социального ареала жизни отдельной личности, в результате которого пространство непосредственных контактов человека, круг его общения существенно расширяется, по сути, охватывая весь мир (Шульга 2011: 8). Это становится возможным благодаря ИКТ, «Богу» (Garbin, Vásquez 2012) транснационализма и «мигрантскости» (Абашин 2012). Симбиоз человека и электронного интеллекта сегодня стал повседневной реальностью и открывает огромные перспек-

С ней веду беседу и ее прошу:
«Зорюшка-зоряница, родная сестрица,
Там на Украине приголубь дитя,
Приголубь за меня, ведь на чужбине я,
Прижми к себе крепко, ведь не могу я!»

тивы перед поколением *homo digitalis*. В то же время мобильные устройства, ставшие частью тела человека, превращают его в центр «глобального Паноптикума» (Наберушкина 2012: 425), лишая его права на индивидуальное пространство.

Исследования международной миграции свидетельствуют о существенном возрастании роли ИКТ в конструировании семейного пространства мигрантов и трансграничного родительства (ТР). Этим подтверждается то, что транснациональная семья (ТС), в том числе украинская, является «модернизированной моделью семейных отношений» (Толстокорова 2013) и новейшим социальным институтом, обусловленным возрастающей экономической мобильностью населения в результате глобализации, урбанизации, экономической реструктуризации и распространения новейших транспортных и информационно-коммуникационных технологий.

Многие авторы подчеркивают позитивную роль ИКТ в «максимизации мобильности» (World Bank 2012) и осуществлении «технологий инклюзии» (Mellström 2012), способствующих преодолению ностальгии мигрантов по дому, созданию ими новых социальных сетей, поддержанию «эмоционального транснационализма» с родными (Nesteruk, Marks 2009: 77) и даже созданию атмосферы «виртуальной интимности» (Wilding 2006) в ТС. В некоторых работах акцентируются механизмы, посредством которых ИКТ вызывают «смерть расстояния» (Caincross 1997) и участвуют в создании общности стилей жизни по разные стороны границ, позволяя оказывать влияние на других людей и обеспечивая возможность социализации даже в условиях больших географических расстояний, создавая таким образом новый «транснациональный габитус» мигрантов (Kelly, Lusia 2006; Nedelcu 2012; Nukaga 2013). При этом утверждается, что доступные цены на ИКТ вызвали в ТС бум общения на основании принципа «mobile first» (World Bank 2012), поскольку пользоваться мобильной связью, Интернетом, видеокамерами могут позволить себе многие, даже не очень состоятельные мигранты. Поэтому ИКТ активно используются ими для поддержания тесных контактов с семьей на принципиально новой технологической основе. Кроме того, низкие цены на телефонные разговоры и авиаперелеты позволяют верить в то, что ТР становится возможным (Levitt 2001: 78). Основным средством осуществления нарративов, необходимых для поддержания транснациональных домохозяйств, остается телефонная связь, предопределяющая возможность существования ТР, в особенности ТМ как такового (Sánchez-Carretero 2005). Мобильная телефония (МТ) стала не просто заменой стационарной телефонной связи, но существенным образом повлияла на процессы социальной интеракции и способность к коллективному действию (Абрамов 2006). Эмпирические исследования показывают, что социальные взаимодействия посредством МТ имеют свое гендерное измерение (Гладарев 2006). Следовательно, они оказывают гендерный эффект на трансграничные практики матерей-мигранток.

Однако результаты нашего полевого исследования дают основания утверждать, что роль ИКТ отнюдь не однозначна и может иметь как позитивный, так и негативный эффект для жизни и быта трансмигрантов, в первую очередь женщин. Это предопределяет **основную цель** данной работы, состоящую в выявле-

нии социо-эмоционального эффекта мобильной телефонии на повседневные практики украинских женщин-мигранток и анализе его роли в осуществлении ТМ. **Актуальность** исследования определена социальным заказом на концептуализацию различных аспектов *автономной* мобильности женщин как исторически относительно нового явления, ставшего объектом изучения лишь в последние десятилетия в силу усиливающейся «феминизации»* международной миграции, отмечаемой в том числе в Украине.

Методология исследования: Данная работа является компонентом долгосрочного проекта, направленного на изучение гендерных аспектов украинской трудовой миграции, или «заробитчанства», подразумевающего образ жизни, связанный с зарубежными заработками, и воспринимаемый сегодня обществом как «социальная норма» жизни, форма «самоотречения» и «жертвенности» его граждан (Пономарева 2011).

Исследование включало несколько этапов. Аналитическая стадия проекта основывалась на анализе вторичных теоретических источников и обзоре материалов украинской прессы. Эмпирический материал был собран в ходе многоэтапного полевого исследования, основывавшегося на анализе мнений и оценок участников миграционного процесса, воспринимаемых как уникальный и зачастую единственно возможный способ изучения жизненного опыта мигрантов, их восприятий и идентичностей (DeRoche 1996) и как мощный аналитический инструмент для исследования перемещаемых лиц (Sánchez-Carrettero 2005). Наблюдения экспертов и жизненные истории заробитчан (трудовых мигрантов) использовались с целью документирования и гендерной интерпретации сложного комплекса отношений, возникающих между основными участниками процесса трудовой миграции и ТР.

Летом 2008 г. совместно с сотрудниками Римского Центра международных политических исследований (CeSPI) в Киеве и во Львове были организованы глубинные интервью и одна дискуссия в фокус-группе с 25 украинскими экспертами по вопросам миграции, гендерных и женских исследований, социальной политики и социальной работы из государственных научно-исследовательских институтов и мозговых центров, министерств, посольств, неправительственных организаций, государственных центров трудоустройства и т. д. В обсуждении на фокус-группе участвовало 4 эксперта.

В течение 2007–2013 гг. проводились полуформализованные интервью и обсуждения на двух фокус-группах с мигрантами и членами их семей. Всего было опрошено 32 женщины и 12 мужчин разных возрастных групп. Интервьюирование проводилось в Херсонской, Кировоградской и Тернопольской областях, в Киеве и во Львове. Ряд интервью проводился в телефонном режиме, посредством интернет-программы Skype и электронной почты.

* В данной работе «феминизация (трудовой) миграции» понимается как возрастание количества женщин, уезжающих на заработки самостоятельно, а не сопровождающая своих мужей или других членов семьи, и работающих на низкостатусной работе, часто в неблагоприятных условиях (сезонная или временная работа, опасная для жизни или здоровья и т. д.) (Beyond Borders... 2010: 13).

Из соображений конфиденциальности имена респондентов в тексте изменены. Интервью с информантами, членами их семей и социальных сетей проводились как на русском, так и на украинском языках. Несколько интервью с экспертами и обсуждение в фокус-группе проходили на английском языке и переведены на русский язык автором.

«Мамы римские» с берегов Днепра:

«глобализация материнства» и его проявления в Украине

Процесс глобализации создает спрос на женский труд в области социальной репродукции, основанный на представлении о социальных навыках матерей как специфически женских. Это формирует условия для возникновения феномена «глобализации материнства» (ГМ), который проявляется в том, что глобализационные процессы приводят к феминизации бедности на периферии мировой капиталистической системы, вынуждая женщин из экономически депривированных государств уезжать на заработки за рубеж, чтобы прокормить свои семьи (Chavkin 2010). Этот процесс приводит к возрастанию количества брошенных детей, используемых как товар на продажу усыновителям из бездетных семей обеспеченных стран, возрастанию уровня абортот, предоставляющих биологический материал для медицинских картелей, вовлечение бесправных женщин-мигранток в торговлю человеческими органами и тканями, использование их для суррогатного материнства. В свою очередь эти процессы создают условия для формирования легальных и теневых глобальных рынков, предоставляющих обеспеченным семьям услуги по усыновлению, продаже вспомогательных репродуктивных технологий, рекрутингу нянь и домработниц.

Основным парадоксом феномена ГМ является то, что в поисках более высоких заработков и работодатели, и их домработницы имеют меньше возможностей для предоставления своим детям материнского внимания и ухода (Maher 2010). В результате те, и другие вынуждены «покупать» любовь и заботу для своих детей. При этом для мигранток попытки обеспечить потомству лучшее будущее нередко приводят к тому, что они «теряют» своих детей как в прямом, так и в переносном смысле. Иными словами, мигрантки обеспечивают заботу и уход принимающим семьям за счет отказа от собственной репродукции (Parrenas 2001). Таким образом, одним из побочных эффектов ГМ является то, что женщины-мигрантки, помимо основного труда по социальной репродукции, привносят любовь и внимание в дома работодателей, страдающие от «дефицита заботы» (Hochschild 1997). Это придает гендерный характер глобальному трансферту интимных услуг из бедных государств в обеспеченные страны.

Другим парадоксом ГМ, на который обращает внимание Р. Парренас (Parrenas 2005a), является то, что, оспаривая миф о мужчине как кормильце и добытчике, мигрантки укрепляют миф о женщине как домохозяйке. Это препятствует перераспределению гендерных ролевых моделей, вызванному большим финансовым вкладом женщин в семейный бюджет благодаря миграции. В то же время это создает дополнительные вызовы матерям-мигранткам в поддер-

жании интимных трансграничных отношений со своими детьми. В итоге технологическая революция в коммуникации сказывается на ТС неравномерно, поскольку различия в транснациональной коммуникации определяются классовой и гендерной принадлежностью пользователей, усугубляя сложности поддержания отношений матерей-мигранток с их семьями, оставшимися дома.

Поскольку глобализация материнства стала результатом возросшей транснациональной мобильности женщин, рассмотрение этого явления требует применения гендерной перспективы к анализу вопросов мобильности и миграции как исходной посылки исследования. В Украине новые формы транснациональной мобильности, возникшие после распада социалистической системы, не были гендерно нейтральными (см. подробнее Tolstokorova 2009; Kaurinkoski 2009; Svajner 2012; Cassidy 2013; Tolstokorova 2013). Хотя процесс независимой женской миграции отмечается с начала 2000-х гг. (GFK Ukraine 2008), статистика последних лет показывает, что мужчины все еще преобладают как среди тех, кто уже имел опыт работы за рубежом, так и среди тех, кто только планирует совершить первый выезд на заработки. В 2008 г. их доля в миграционных потоках достигала 67,2 % против 32,8 % у женщин, но процент женщин повысился по сравнению с 2001 г., когда он составлял 24 %, что подтверждает тенденцию феминизации потоков рабочей силы из Украины (Малиновська 2011: 7). В 2009 г. гендерное соотношение среди молодых заробитчан, выехавших в страны дальнего зарубежья, составляло уже 61,4 % мужчин к 38,6 % женщин (Молодь... 2010: 184). Это свидетельствует о том, что хотя украинская трудовая миграция остается преимущественно мужским явлением, доля женщин в ней неуклонно возрастает.

Как показывают исследования, большинство женщин, уезжающих на заработки за рубеж самостоятельно, без сопровождения мужей, — это матери несовершеннолетних детей (Chaloff, Eisenbaum 2008: 12). По данным опроса украинских заробитчанок в Италии, являющейся основной страной назначения женской миграции из Украины, 90,1 % респонденток имели детей, из которых лишь 5,5 % на момент интервью проживали с матерями за рубежом. Наибольшую группу составляли дети мигранток в возрасте 16–22 года и старше, но 32,5 % — это дети школьного возраста и 5,3 % — дошкольники, причем в семьях одиноких матерей-заробитчанок и в ТС с двумя родителями, работающими за рубежом, 34 % детей остаются дома без присмотра (Соціальне обличчя... 2003). Таким образом, ТМ является в Украине распространенным социальным феноменом, специфика которого уже была освещена в ряде зарубежных публикаций (Tolstokorova 2010; Mudrak 2011; Ezzedine 2012; Fedyuk 2012; Bonizzonni, Leonini 2013). Однако в самой Украине эта проблематика еще не привлекла внимания исследователей и, следовательно, является актуальной научной проблемой, требующей специального изучения.

Преимущества МТ как «компактного контакта»

В ряде работ подчеркивается, что транснациональный образ жизни и вынужденная разлука с детьми заставляют женщин выстраивать альтернативные конструкции ТМ. Для этого им приходится сочетать обязанности по воспита-

нию детей с ответственностью за финансовое и материальное обеспечение семьи, осуществляемые в трансграничном режиме. Наблюдения показывают, что физическое отсутствие матерей-мигранток в семье не означает отказа от выполнения ими своих родительских функций, а скорее ведет к их переформатированию или даже к усилению посредством так называемого интенсифицированного материнства (Haas 1996). Оно может осуществляться посредством трансграничного менеджмента домохозяйства, например, в виде контроля за использованием пересылаемых домой материальных и денежных средств, регулярных контактов по телефону, Интернету, электронной и обычной почте, мобильной и SMS связи. Подобная «компрессия пространства-времени» (Harvey 1989: 140) с целью проявления «заботы на расстоянии» в ТС стала возможной благодаря ИКТ. В этих условиях географическое расстояние воспринимается уже не как препятствие для семейных отношений, а скорее как условие для их осуществления и интенсивности. Это подтверждали респондентки:

«Как только сюда приехала, сразу купила себе мобилку, и домой звоню часто. Потом я научилась пользоваться и Интернетом, так как у нас тут Интернет бесплатный. Наш хозяин считает, что мы должны общаться со своими детьми как можно чаще, он всегда так и говорит: «Дети — это святое» и для этого он нас подключил к Интернету, и обеспечил нас электронной почтой, чтобы мы могли общаться со своими детьми и семьями. Так что у всех наших девочек тут есть своя электронка и безлимитный Интернет и «емели» мы шлем домой часто» (Анастасия, бывший инженер, работает в сфере обслуживания в Монако, Франция).

Это интервью является подтверждением того, что появление у человека доступа к мобильному телефону обогащает его коммуникативные возможности, поскольку он получает еще один канал общения, причем практически не зависящий от места нахождения субъекта (Гладарев 2006: 75). Действительно, как свидетельствуют пользователи, это устройство позволило им управлять ежедневной жизнью более эффективно (Цыганкова 2012: 311).

Возможность общаться с семьей посредством ИКТ имеет особое значение на начальном этапе «мигрантскости» (Абашин 2012), когда женщины особенно нуждаются в соучастии, понимании и поддержке родных. На этом этапе миграционного цикла многие из них сталкиваются с так называемым культурным шоком в результате погружения в чуждую им культурную среду и необходимости адаптироваться к новому стилю, ритму и нормам жизни, а также к собственному новому социальному статусу, как правило, связанному с деквалификацией. К примеру, информантка Тамара рассказала о том, как тяжело ей было привыкнуть к новым обстоятельствам, продиктованными условиями ее работы сиделкой в итальянской семье. В частности, ее угнетало требование работодателя питаться только вместе с клиентом, не готовить для себя и не хранить в доме собственные продукты. Своей болью она поделилась по телефону с родными в Украине:

«Я взрослый человек и привыкла есть, когда мне хочется и что мне хочется. Иногда, знаете, так бывает, что утром, когда мои завтракают, мне есть не хочется, а через пару часов чувствую, что проголодалась. Так я тогда потихоньку

стяну со стола кусочек хлеба или банана и — в карман, а потом найду какой-нибудь повод, чтобы улизнуть в свою комнату и там быстренько это съедаю. Ем, а сама реву. Так обидно! Когда я пожаловалась об этом по телефону моей маме, она сказала: “Да, доченька, я тебя понимаю, как тебе тяжело. Но ты должна помнить: прежде всего — ты мать. Пока ты там, твоим детям здесь есть что есть, и мне есть чем платить за их учебу. Зажми свою боль в кулаке и терпи! Ради твоих детей...”» (Тамара, сиделка в итальянской семье).

Таким образом, позитивная роль ИКТ как нового вида «компактного контакта» и средства формирования транснационального семейного пространства заключается в том, что они позволяют мигранткам смягчать негативный эмоциональный эффект разлуки с семьей и обеспечивают возможность поддерживать близкие семейные отношения даже в условиях больших географических расстояний.

Сомнительный эффект «виртуальной интимности»

Хотя современные средства связи являются необходимым условием для осуществления непосредственной устной коммуникации в ТС, вряд ли можно согласиться с мнением о том, что проявление заботы на расстоянии на основе «присутствующего отсутствия» в семье (Haidinger 2008: 127) можно считать эффективной «компенсаторной стратегией, ограничивающей эффект оттока заботы» (Piragno 2007). Представляется, что здесь скорее осуществляются попытки «хотя бы поддерживать контакт с детьми» (Lutz 2004: 54) и другими членами семьи. Однако это вряд ли может компенсировать малолетним, старикам, больным, инвалидам или тем членам семьи, кто оказался в критической ситуации, отсутствие родного человека, готового в нужный момент оказать срочную помощь. Тем более это не может обеспечить повседневный контроль, эмоциональную поддержку и своевременный совет, в которых так нуждаются дети и подростки. Это подтверждают сами дети мигрантов, указывая, что МТ не может заменить им непосредственное общение и физическую близость с родителями: Вот как это выразила 13-летняя Александра в своем стихотворении, представленном на конкурс писем детей мигрантов:

*«Письма, звонки по телефону
Этого так мало для тепла»
(Діти емігрантів про себе... 2008: 18).*

Дети сложного подросткового возраста могут даже не осознавать, что столкнулись с проблемами, или могут не желать это признавать, представляя своим «заочным матерям» идеализированную картину своей повседневной жизни. Именно о такой ситуации рассказала студентка магистерского курса по гендерным аспектам украинской миграции, читавшегося автором данной работы в 2011 г. в Ольденбургском университете. Так, женщина, работавшая домработницей в Германии, узнала о том, что стала бабушкой, только когда приехала домой погостить, несмотря на то, что почти каждый день общалась со своей дочерью по программе Skype. Ее внуку к тому времени исполнился почти год. Оказалось, что ее несовершеннолетняя дочь боялась признаться матери в том, что ждет ребенка, и не отважилась на это, даже когда он появился на свет. Сама

«мама по скайпу» (Савка 2013) ни о чем не догадывалась, поскольку во время сеансов связи могла видеть только лицо дочери, что позволило той скрыть свою беременность.

Утверждение о ненадежности ИКТ как средства получения объективной информации о реальном положении дел в оставшейся дома семье следует как из нарративов мигранток, так и из интервью с экспертами. Они предоставили множество примеров того, как по возвращении домой женщины узнавали, что их брак давно распался, а мужья нашли себе других женщин, о чем заробитчанки даже не подозревали, поскольку поддерживали отношения с мужем лишь в виртуальном формате. Так, в рассказах нескольких информанток прозвучала история женщины, ставшая в заробитчанской среде Италии своего рода «притчей во языцех»:

«Говорят, что одна наша женщина несколько лет проработала в Италии, собирала деньги, чтобы построить дом. Все до копейки отправляла мужу. Домой ни разу не ездила, чтобы побольше сэкономить и побыстрее вернуться. Муж ей писал, звонил, рассказывал, что вот уже фундамент заложили, потом стены возвели, но все как-то медленно так, что-то долго он строил, а она все вкальывает, деньги на дом зарабатывает. Ну вот. Потом, когда сказал, что уже крышу начали крыть, она решила, что пора ехать домой. Приезжает, а в доме незнакомая женщина с маленьким ребенком. Она ей: “Кто ты такая и что здесь делаешь?” А та отвечает: “Я здесь хозяйка, это мой дом. А ты что здесь делаешь?”. Она к мужу: “Что здесь происходит?”. Ну, тот и признался, что давно женился и у него другая семья, живут в доме, выстроенном на ее кровные. А для нее места здесь уже нет. Ну и отвезли ее прямо в психушку. Вот такие истории бывают у наших женщин» (Миронова, домработница в Италии).

Эксперты рассказали историю другой женщины, которая, вернувшись домой, оказалась в критической ситуации, узнав о реальном положении в семье, сложившемся за время ее отсутствия:

«У нас был такой случай. Она [клиентка] работала в Испании. Все свои заработки она отсылала домой. Рассчитывала построить новый дом. Двоих детей оставила на мужа. А он, муж, все ее деньги вложил в собственный бизнес, ну и обанкротился. И когда она уже вернулась домой — оказалось, что денег нет. Представьте, четыре года она отсылала домой деньги! А ее муж сказал... Знаете, лучшая защита — нападение... Так вот муж сказал: “Ха! Как вы думаете, чем это она там занималась, в Испании? Да проституткой работала. Вы только посмотрите на нее!” А она высокая, прекрасно выглядела. И вот эта женщина пришла к нам, потому что у нее была кризисная ситуация. Она нам сказала: “Куда мне теперь идти? Семья смотрит на меня как на проститутку. У меня не осталось ни копейки денег. Я не могу жить здесь и не могу туда вернуться: не на что. Что мне теперь делать в жизни?” Вот вам типичный украинский пример» (Эксперт женской неправительственной организации).

Кроме того, нередко выяснялось, что за время работы на чужбине женщины утратили статус не только жен, но и матерей, поскольку их бывшие мужья лишили их родительских прав на детей, о чем женщины узнавали лишь по возвращении домой.

Как видим, количество общения не обязательно равнозначно его качеству, поскольку «компенсаторные стратегии» в форме активного использования трансмигрантами ИКТ часто оказываются неэффективными и приводят к «дефициту заботы» (Hochschild 1997) в ТС. Эмпирические исследования показывают, что физическое отсутствие в семье и виртуальный способ общения с родными могут вести к нивелированию эмоциональной близости даже между самыми близкими родственниками. Это меняет качество отношений между ними и может вести к отчуждению и ослаблению или даже разрушению непосредственных эмоциональных связей матерей со своим детьми. Это наблюдение подтверждается интервью датского эксперта с украинскими заробитчанками в Италии:

«Одна женщина рассказала мне, что после нескольких лет проживания в разлуке со своими дочерьми она иногда по нескольку дней даже не вспоминала о них» (Dalgas 2010).

Среди факторов, предопределяющих успешность трансграничной коммуникации матерей с оставшимися дома детьми, исследователи выделяют следующие: возраст ребенка, качество отношений в предмиграционный период и предпочитаемые средства коммуникации (Madianou 2012, цит. по: Transnational Families... 2012). По нашим наблюдениям, причиной отчуждения в ТС могут быть также проблемы качества телефонной связи. Например, дети могут не иметь возможности или желания общаться с матерями по телефону.

Именно такая ситуация сложилась в семье Надежды, матери-одиночки, уехавшей на заработки, чтобы собрать деньги для оплаты учебы сына в университете. Сначала она работала домработницей в Греции, а затем переехала в Италию, где нашла работу сиделки. Десятилетнюю дочь она оставила на попечение своей матери, в то время как сын-студент учился в Киеве. Однако пожилая женщина не вынесла разлуки с дочерью и вскоре после отъезда Надежды скончалась, оставив девочку без присмотра. Матери пришлось обратиться с просьбой к соседке по дому, ее бывшей начальнице, чтобы та присмотрела за дочерью:

«Вы не представляете, чего мне это стоило! Вначале я плакала все ночи напролет. Понимаете, моя девочка присылала мне такие грустные, такие трогательные письма! Однажды она мне написала: «Мамочка! Дорогая! Пожалуйста, возвращайся скорее! Пожалуйста, я очень тебя прошу! Я очень по тебе скучаю и плачу каждый день, но кому до этого дело? Они ходят по моим слезам!» И в письме был листочек с ее рисунком, он весь был разрисован слезками, а поверху рисунка было ясно видно отпечаток чьей-то ноги. Кто-то наступил на этот листочек [плачет]. А что я могла сделать? Я не могла вернуться домой без денег, потому что нужно было заплатить за учебу сына и нужно было заработать хоть немного на жизнь. Как я могла объяснить это дочке? Она не поняла бы меня. Она мне сказала по телефону, что я ее предала и отказывалась подходить к телефону, когда я звонила соседке, чтобы узнать, как дела» (Надежда, учитель музыки и эстрадная певица).

Кроме того, в некоторых случаях родственники могут настаивать, чтобы общение между матерью и ребенком осуществлялось при их посредничестве,

а не напрямую (Transnationalism... 2005). Это значит, что на МТ не всегда можно положиться, особенно в экстренных ситуациях. Например, необходимая оперативная помощь, совет или поддержка членов семьи, находящихся на расстоянии, могут быть не оказаны вовремя по причине технических проблем телефонной или интернет-связи. Таким образом, хотя высокие технологии идут на пользу ТС, они не гарантируют эффективной коммуникации.

Негативный эффект МТ:

«кандалная цепь» (Недельский 2006: 2) человечества

К негативным последствиям широкого распространения МТ исследователи относят психологическую зависимость от них пользователей, контроль со стороны социальных сетей, размывание границ частного и публичного и прерывистость временного режима владельцев сотовой связи (Гладарев 2007). Представляется, что в отношении мигранток негативным эффектом пользования ею является лишение их персонального пространства, поскольку благодаря МТ женщины становятся доступными как для своих клиентов и работодателей, так и для родных из Украины в любое время суток. Это позволяет последним обращаться к ним за помощью, с просьбами или заданиями, когда им заблагорассудится. Тем самым подтверждается «императив доступности» (Там же: 214), диктуемый МТ. На этой основе структурируется «геометрия власти» (Massey 1994), в которой женщины оказываются зависимыми от потребностей близких, чьим просьбам они не в состоянии отказать. Как сказала одна респондентка:

«У меня такое ощущение, что я не принадлежу сама себе. Через мобилку меня достают все кому не лень» (Марина, домработница в Италии).

Это подтверждает тезис У. Дж. Митчелла об электронных мобильных технологиях как средствах манипуляции человеком и «электронных паразитах», ищущих нишу для себя в его персональном пространстве и теле (Митчелл 2012). В этом смысле они оправдывают свое определение как «проникающих технологий» (pervasive technologies). Кроме того, МТ генерирует специфическую «виртуальную пространственность», создающую эффект «одновременного присутствия и здесь, и там» (Parreñas 2005b: 319). Это также усиливает стресс и психологический прессинг на мигранток. Учитывая эмоционально изнурительный характер их работы за рубежом, особенно в сфере домашнего обслуживания, это создает дополнительную нагрузку на организм и психику, ведет к эмоциональному выгоранию, неблагоприятно сказывается на здоровье. Таким образом, МТ может выполнять функцию орудия эксплуатации женщин их родными, близкими, клиентами и работодателями. Кроме того, следует учитывать, что для украинских заробитчанок сотовая связь является весьма дорогостоящим средством коммуникации. По данным исследования 2006 г. (Dalgas 2010), украинские домработницы в Италии затрачивали на международные переговоры с семьями в среднем около 100€ в месяц. Это весьма существенные расходы, учитывая, что их средняя зарплата в то время составляла 850€ в месяц. Видимо, поэтому лишь единицы из информанток данного полевого исследования упомянули об использовании для общения с семьей программы Skype,

требующей как специального компьютерного обеспечения, так и персонального пространства для устной коммуникации. Лишь немногие респондентки могли позволить себе пользоваться Интернетом и электронной почтой. Это можно объяснить тем, что компрессия времени и пространства в транснациональной коммуникации не является условием, одинаково доступным для всех, но представляет собой варьирующий социальный процесс, формирующийся посредством классового и гендерного факторов (Parreñas 2005b). Как утверждает С. Сассен (Sassen 2000), она требует доступа к капиталу, а ее интенсивность определяется ресурсными возможностями индивидов. В этом случае «географическое положение коррелирует с социальным положением» (Mahler 2001), поскольку технологические новшества не являются доступными для всех, что препятствует возможности многих людей проявлять виртуальную заботу о своих близких. Это в первую очередь относится к людям пожилого возраста, нередко испытывающим сложности в освоении МТ (подробнее см. Цыганкова 2012). Так, одна информантка в частной беседе рассказала, что долго не могла научиться пользоваться сотовым телефоном, подаренным ей сыном, чтобы поддерживать с ней мобильную связь. После нескольких неудачных попыток освоить пользование телефоном пожилая женщина настолько устала и разнервничалась, что в отчаянии швырнула его об стену, разбив дорогой аппарат на мелкие кусочки. Учитывая, что средний возраст большинства женщин, предоставляющих услуги сиделок и домашних работниц, составляет 40-50 лет, овладение ими МТ как основным средством «цифровой инклюзии», необходимым для социальной включенности, является актуальной проблемой (см. Chiatti et al. 2011).

Кроме того, пользование МТ может представлять проблему для семей мигрантов, проживающих в сельской местности, где отсутствуют необходимые удобства и соответствующая инфраструктура. Таким образом, МТ могут служить средством эмоционального выжигания матерей-мигранток, выкачивая из них время, силы и заработки.

Заключение

Появление ИКТ, в частности, мобильной телефонной связи, привело к своего рода «коммуникационному взрыву» в семьях трудовых мигрантов, предоставляя им недоступные ранее возможности постоянного участия в повседневной жизни близких, оставшихся дома (Levitt 2001: 22). Однако эмпирические данные свидетельствуют о том, что роль новых средств транснациональной коммуникации не является столь однозначной, варьируя от позитивного до весьма сомнительного и даже негативного эффекта на повседневные практики трансмигрантов, особенно женщин-матерей. Данное исследование роли МТ в формировании дистантных внутрисемейных отношений украинских заробитчанок показало, что «любовь по телефону» может оказывать как благотворное, так и весьма неблагоприятное воздействие на их взаимоотношения с родными и близкими.

Так, с одной стороны, использование МТ обеспечивает «заочным мамам» возможность не только поддерживать регулярный контакт с семьей и быть в курсе повседневных забот их близких, но даже исполнять свои семейные и ро-

дительские функции по отношению к родственникам, оставшимся дома. Учитывая, что трудовая миграция сама по себе является механизмом социального исключения украинцев и в отпускающем, и в принимающем сообществах (см. подробнее Tolstokorova 2011), использование МТ как средства *цифрового включения* позволяет женщинам преодолевать как разлуку с родными и оторванность от привычного «габитуса» (Бурдые 1998), так и отчужденность в новом окружении за рубежом. С другой стороны, именно в силу этих обстоятельств МТ служат источником постоянного стресса и эмоциональных перегрузок «транснациональных супермам», и без того работающих в психологически и физически сложных условиях, часто без выходных, с ненормированным рабочим днем. Кроме того, пользование МТ требует от женщин значительных финансовых и временных затрат. В этих условиях МТ превращается, по сути дела, в орудие эксплуатации заробитчанок, поглощающее не только их жизненную энергию и доходы, но даже их эмоциональные привязанности.

Сомнительный эффект МТ для транснациональных матерей заключается в том, что их использование как средства коммуникации может вести к формированию «квазисемейного пространства» (Тюрюканова 2012: 43), имеющего обманчивый характер и скрывающего неприглядную реальность, о которой женщины могут даже не подозревать, продолжая лелеять веру в родственные отношения, на самом деле уже не существующие, но продолжающие жить в их воображении. В этом отношении нельзя не согласиться с утверждением, что близость в отношениях, поддерживаемых на расстоянии, может исчезнуть, если она не подкрепляется моментами физического контакта (Ugry 2003: 156), играющими в семейных отношениях роль своего рода «эмоционального клея».

Таким образом, рассматривать МТ, как и ИКТ в целом, в качестве средства компенсации физического отсутствия матерей в семье, мягко говоря, наивно, поскольку они во многом способствуют созданию иллюзорной идиллии в отношениях, которая может легко рассыпаться от первого же столкновения с реальной действительностью. Тем не менее, для стран — потребителей мобильной рабочей силы это нередко служит удобным оправданием для утверждений о наличии благодаря им компенсаторного эффекта «оттока заботы» (Hochschild 2000: 131) в странах-донорах, что позволяет получать солидные «дивиденды заботы» и без того не бедным странам. Тем временем «виртуальным мамам» остается одно: как и автору приведенного в начале работы письма, обращаться к звездам с просьбой позаботиться об оставшихся в Украине детям, пока они сами ухаживают за чужими детьми и стариками вдали от родного дома.

Литература

- Абашин С. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. 4. С. 3–13.
- Абрамов Р.Н. Мобильные коммуникационные технологии и повседневность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. IX (4). С. 185–192.
- Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. I (2). С. 40–58.
- Гладарев Б.С. Женщина, мужчина и мобильный телефон // Социологические исследования. 2006. 4. С. 68–86.

Гладарев Б.С. Социологическая рефлексия о возможных следствиях распространения мобильной связи // Социология вчера, сегодня, завтра. Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства. 23-25.03.2007. СПб.: Бильбо, 2007. С. 200–218.

Діти емігрантів про себе. Сповіді. Думки. Судження... Біль. Львів: Видавничий відділ «Артос фундації «Андрей», 2008.

Клінова О. У Львові відбудеться благодійний концерт на підтримку Міжнародного дитячого веломарафону «Мамо, повернися!» // Львівська міська рада. Офіційний портал мешканців [<http://city-adm.lviv.ua/portal-news/society/social-sphere/212282-u-lvovi-vidbudetsia-blahodiinyi-kontsert-na-pidtrymku-mizhnarodnoho-dytiachoho-velomarafonu-mamo-povernysia>].

Майданік І. Українська молодь на ринках праці зарубіжних держав. Київ: Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М.В. Птухи, 2010.

Малиновська О. Трудова міграція: соціальні наслідки та шляхи реагування. Аналітична доповідь. Київ: Національний інститут стратегічних досліджень, 2011.

Митчелл Дж. У. Я++: Человек, город, сети / Пер. с англ. Д. Симановского. М.: Strelka Press, 2012.

Молодь та молодіжна політика в Україні: соціально-демографічні аспекти / За ред. Е.М. Лібанової. Київ: Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М.В. Птухи НАН України, 2010.

Наберушкіна Э. Архитектура, сети, люди, города: контуры нового мира. Рецензия на книгу У. Дж. Митчелла «Я++: Человек, город, сети» / Пер. с англ. Д. Симановского. М.: Strelka Press, 2012 // Журнал исследований социальной политики. 2012. 10 (3). С. 422–427.

Недельский А. Озонатор (часть 1) // Радуга. Журнал художественной литературы и общественной жизни. 2006. 8. С. 22–99.

Пономарева О. Новітні форми української жертовності. Українське слово. Інтернет-видання. 23.12.2011 [<http://ukrslovo.org.ua/ukrayina/suspilstvo/novitni-formy-ukrayinskoji-zhertovnosti.html>] (дата доступу 23.03.2013).

Савка М. Мама по скайпу. Львів: Вид-во старого Лева, 2013.

Соціальне обличчя новітньої української трудової міграції: результати масового соціологічного опитування українських заробітчан в Італії. Львів: Західноукраїнський центр «Жіночі перспективи», 2003.

Толстокорова А.В. Жди и помни меня!: Транснациональная семья как объект гендерного анализа // Диаспоры. Независимый научный журнал. 2012. 2. С. 25–60.

Толстокорова А.В. Украинская транснациональная семья как модернизированная модель семейных отношений: панацея, яд или плацебо? // Социологический журнал. 2013. 2. С. 43–64.

Тюрюканова Е. Гендерно-чувствительная миграционная политика: принципы и механизмы // Трудовая миграция в России: медико-социальные и гендерные аспекты. Материалы международной конференции, 26-27.10.2011. М.: Бюро Международной организации по миграции, 2012.

Цыганкова Е.Е. Пожилой человек в мире новых информационных технологий (на примере мобильного телефона) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2012. 24 (65): 1–2. С. 310–315.

Шульга Н. Дрейф на обочину: Двадцать лет общественных изменений в Украине. Киев: ООО «Друкарня Бізнесполіграф», 2011.

Agunias D.R., Newland K. Circular Migration and Development: Trends, Policy Routes, and Ways Forward. Washington DC: Migration Policy Institute, 2007. [www.migrationpolicy.org/pubs/migdevpb_041807.pdf].

Beyond Borders: Exploring Links Between Trafficking and Gender. GAATW Working Papers Series 2010. Global Alliance Against Traffic in Women, 2010.

Bonizzonni P., Leonini L. Shifting geographical configurations in migrant families: narratives of children reunited with their mothers in Italy // *Comparative Population Studies*. 2013. 38 (2). Pp. 465–498.

Cairncross F. *The Death of Distance: How Communication Will Change Our Lives.* Boston: Harvard Business School, 1997.

Cassidy K.L. Gender relations and cross-border small trading in the Ukrainian-Romanian borderlands // *European Urban and Regional Studies*. 2013. 20 (1). Pp. 3–13.

Chaloff J., Eisenbaum B. International Migration and Ukraine. OECD, Council of Europe. CDMG. №44, 2008. (Draft).

Chiatti C. et al. ICT-based solutions for caregivers: Assessing their impact on the sustainability of long-term care in an ageing Europe. Final report containing case-by-case detailed description and analysis of selected 12 Good practices. Vienna: CARICT, 2011.

Cvajner M. The Presentation of Self in Emigration: Eastern European Women in Italy // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2012. 642. Pp. 186–199.

Dalgas K. Love and Money: Changing Family Ties Among Ukrainian Domestic Workers in Italy. Paper presented at the seminar “Migration and domestic care work”. 11.02.2010. University of Copenhagen, Denmark (unpublished paper).

DeRoche C. “I learned things today that I never knew before”: Oral History at the Kitchen Table // *Oral History Review*. 1996. 26. Pp. 45–61.

Ezzedine P. Mateřství na dálku. Transnacionální mateřství Ukrajinských migrantek v České Republice [Motherhood at Distance. Transnational Motherhood of Ukrainian migrant women in Czech republic] // *Gender, rovné příležitosti, výzkum, ročník 13, číslo 1*, 2012. S. 24–32.

Faist T. *The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces.* Oxford: Oxford University Press, 2000.

Fedyuk O. Images of Transnational Motherhood: The Role of Photographs in Measuring Time and Maintaining Connections between Ukraine and Italy // *Journal of Ethnic and Migration Studies* 2012. 38 (2). Pp. 279–300.

Garbin D., Vásquez M.A. “God is Technology”: Mediating the Sacred in the Congolese Diaspora. Migration, Diaspora and Information Technology in Global Societies / Eds. L. Fortunati, R. Pertierra, J. Vincent. NY: Routledge, 2012.

GFK Ukraine. The Contribution of Human Resources Development to Migration Policy in Ukraine (draft). Kyiv, 2008.

Haidinger B. Contingencies Among Households: Gender Division of Labour and Transnational Household Organization — the Case of Ukrainians in Austria // *Migration and Domestic Work* / Ed. H. Lutz. Ashgate Publishing Ltd., 2008. Pp. 127–144.

Harvey D. *The Postmodern Condition.* Baltimore, MD: Johns Hopkins Press, 1989.

Hays Sh. *The Cultural Contradictions of Motherhood.* New Haven, CT: Yale University Press, 1996.

Hochschild A.R. *The Time Bind: When Work Becomes Home and Home Becomes Work.* New York: Metropolitan/Holt, 1997.

Hochschild A.R. Global Care Chains and Emotional Surplus // *On the Edge. Living with Global Capitalism* / Eds. W. Hutton, A. Giddens. London: Jonathan Cape, 2000. Pp. 130–146.

Hondagneu-Sotelo P., Avila E. “I’m Here, but I’m There”: the Meaning of Latina Transnational Motherhood // *Gender and Society*. 1997. 11. Pp. 548–571.

Kaurinkoski K. Gendered migration patterns and experiences of Ukrainian immigrants in Greece // *Spotlights on Russian and Balkan Slavic Cultural History, Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe* / Eds. Ioannidou A., Voss C. Munich: Otto Sagner, 2009. Pp. 39–55.

Kelly P., Lusia T. Migration and the transnational habitus: evidence from Canada and the Philippines // *Environment and Planning*. 2006. 38 (5). Pp. 831–884.

Levitt P. *The Transnational Villagers*. Berkeley, CA: University of California Press, 2001.

Levitt P., Glick Schiller N. Conceptualizing simultaneity. A transnational social field perspective on society. Rethinking migration. New theoretical and empirical perspectives / Eds. A. Portes, J. DeWind. New York and Oxford: Berghahn Books, 2007. Pp. 181–218.

Lutz H. Life in the Twilight Zone: Migration, Transnationality and Gender in the Private Household // *Journal of Contemporary European Studies*. 2004. 12 (1). Pp. 47–55.

Madianou M. et al. Migration, ICTs and the Transformation of Transnational Family Life. ESRC End of Award Report, RES-000-22-2266. Swindon: ESRC, 2012.

Maher J.M. Reproduction and care // *The Globalization of Motherhood: Deconstructions and reconstructions of biology and care* / Eds. W. Chavkin and J.M. Maher. Abington, New York: Routledge, 2010. Pp. 16–30.

Mahler S. Transnational Relationships: The Struggle to Communicate Across Borders // *Identities*. 2001. 7 (4). Pp. 583–619.

Massey D. *Space, Place and Gender*. Cambridge: Polity, 1994.

Mellström U. Technologies of Inclusion: Gender in the Information Society. Nardoveien: Tapir Academic Press, 2012.

Mudrak V. The Italian-Ukrainian Care Chain: Transnational Welfare, Transnational Families and Care Drain. SIMT21, Master’s Thesis. Department of Sociology. Lund University, 2011.

Nedelcu M. Migrants’ New Transnational Habitus: Rethinking Migration Through a Cosmopolitan Lens in the Digital Age // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012. 38 (9). Pp. 1339–1356.

Nesteruk O., Marks L. D. Grandparents across the ocean: Eastern European immigrants’ struggle to maintain intergenerational relationships // *Journal of Comparative Family Studies*. 2009. 40 (1). Pp. 77–95.

Nukaga M. Planning for a successful return home: Transnational habitus and education strategies among Japanese expatriate mothers in Los Angeles // *International Sociology*. 2013. 28 (1). Pp. 66–83.

Parrenas R. S. Transgressing the nation state: the partial citizenship and imagined (global) community of migrant Philipina domestic workers // *Signs*. 2001. 26 (4). Pp. 1129–1154.

Parrenas R. S. *Children of Global Migration: Transnational Families and Gendered Woes*. Stanford: Stanford University Press, 2005a.

Parreñas R.S. Long Distance Intimacy: Class, Gender and Intergenerational Relations Between Mothers and Children in Filipino Transnational Families // *Global Networks*. 2005b. 5 (4). Pp. 317–336.

Piperno F. Welfare for Whom? The Impact of Care Drain in Romania and Ukraine and the Rise of Transnational Welfare. CeSPI, 2007 [<http://www.cespi.it/Curricula/PDF/piperno-welfare.pdf>]. (accessed 08.09.2008).

Sánchez-Carretero C. Motherhood from Afar: Channels of Communication among Dominican Women in Madrid // *A European Journal of International Migration*. 2005. 43–45. Pp. 145–163.

Sassen S. Spacialities and Temporalities of the Global: Elements for a Theorization // *Public Culture*. 2000. 12. Pp. 215–232.

Tolstokorova A. Multiple Marginalities: Gender dimension of rural poverty, unemployment and labour migration in Ukraine. Paper presented at the FAO-IFAD-ILO Workshop “Gaps, trends and current research in gender dimensions of agricultural and rural employment: differentiated pathways out of poverty”. Rome (Italy), 31 March — 2 April 2009. [http://www.fao-ilo.org/fileadmin/user_upload/fao_ilo/pdf/Papers/17_March/Tolstokorova-final.pdf].

Tolstokorova A. Where Have All the Mothers Gone? The Gendered Effect of Labour Migration and Transnationalism on the Institution of Parenthood in Ukraine // *The Anthropology of East Europe Review*, “Gender in Postsocialist Eastern Europe and the former Soviet Union”. 2010. 28 (1). Pp. 184–214.

Tolstokorova A. Labour Migration as a Mechanism of Social Exclusion: Case Study of Ukrainian Youth // *Some still more equal than others? Or equal opportunities for all? / Ed. S. M. Değirmencioglu*. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2011. Pp. 101–112.

Tolstokorova A. One Way Ticket?: International Labour Mobility of Ukrainian Women // *New Mobilities Regimes in Art and Social Science / Eds. S. Witzgall, G. Vogl, S. Kesselring*. Burlington: Ashgate Publishing Company, 2013. Pp. 99–108.

Transnational Families and the Impact of Economic Migration on Families. Brussels: COFACE, 2012.

Transnationalism, Multi-Local Motherhood and Reunification among Latin American Families in Canada. Latin American Research Group, 2005. [<http://www.yorku.ca/cohesion/LARG/html/largindex2.htm>] (accessed 15.01.2012).

Urry J. Social Networks, Travel and Talk // *British Journal of Sociology*. 2003. 54 (2). Pp. 155–175.

Wilding R. “Virtual” Intimacies? Families Communicating across Transnational Contexts // *Global Networks*. 2006. 6 (2). Pp. 125–142.

World Bank. Information and Communication for Development 2012. Maximizing Mobile. Washington, DC, 2012.

Chavkin W. The globalization of motherhood // *The Globalization of Motherhood: Deconstructions and reconstructions of biology and care / Eds. W. Chavkin and JM. Maher*. Abington, New York: Routledge, 2010. Pp. 3–16.